

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЕДШЕЕ¹

В.В. Анашвили
журнал «Логос»,
И.М. Чубаров

Тюменский государственный университет

Аннотация: В статье предпринят анализ профессионального становления поколения философов, пришедших на философский факультет МГУ в последние годы существования СССР, а заканчивавших его уже в «новой» ельцинской России начала 90-х гг. В частности, тематизирована ситуация общего культурного отставания, в которой поневоле оказалось несколько поколений советских и постсоветских людей в контексте мировой культуры. На ряде примеров обоснован тезис асинхронности их знакомства с разного уровня явлениями западной культуры и, в результате, выпадения из общей логики их становления. В статье также представлена история создания и стратегия развития философского журнала «Логос» как проекта преодоления упомянутого отставания. В заключение авторами предпринята попытка экспликации онтологических, эпистемологических и этико-эстетических оснований своего поколенческого бэкграунда.

Ключевые слова: становление философов 90-х гг., культурное отставание, массовая культура, феноменология, стратегия журнала «Логос», философские основания поколенческого бэкграунда.

Мы всячески затягивали с ответом на простой, на первый взгляд, вопрос о профессиональном становлении нашего поколения философов, пришедших на философский факультет МГУ в последние годы существования СССР, а заканчивавших его уже в «новой» ельцинской России. Главная тому причина – наше отношение к прошлому конца 80-х – начала 90-х гг. как к несостоявшемуся или даже непризнанию его как осмысленного и завершенного этапа истории. Слишком спешное сворачивание советского проекта, демонстративный отказ новой власти от социальных обязательств предыдущего российского руководства перед гражданами и, главное, стремительная приватизация группой предприимчивых комсомольцев и партработников общественного достояния, грубые попытки списать разразившийся социально-экономический и культурный кризис на советскую систему и левую идеологию в целом – все это не могло не вызвать у носителей даже минимального критического сознания принципиального отторжения этого времени, а то и равнодушия к происходящему. Мы не

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – С. 748–755.

были ни аполитичными, ни политически ангажированными, по крайней мере, не в том понимании политики, которое идет от практик номинальных властей, говорящих на языке центральных СМИ. Мы не заслушивались речами Сахарова на съездах народных депутатов, не вчитывались в тексты Солженицына, презрительно усмехались над ставропольским выговором Горбачева и карьерными кульбитами Ельцина. Для понимания бездны, отделявшей нас от героев перестройки и мучеников путча, достаточно вспомнить, что в первый день штурма Белого дома мы с одноклассниками собирались на ретроспективу Пазолини и были расстроены лишь тем, что нас остановил милицейский патруль, выставивший оцепление как раз перед зданием Киноцентра на Красной Пресне.

При этом мы не были ни деклассированными ирониками, ни антисоветчиками, ни диссидентами. Возможно, мы были излишне наивны. Мы просто хотели заниматься философией и стать философиями.

И поэтому сегодня мы относимся к этому времени не как к воспоминанию о прошлом, а как к этапу все еще не завершеного проекта, части актуального социального опыта своего поколения, которое сделало возможным становление философами целой плеяды наших одноклассников, однокурсников и одноклассников. Достаточно назвать оставшихся несмотря ни на что в профессии – академии, университете и широких сетях публичной философии – Юлию Синеоку, Алексея Козырева, Елену Брызгалину, Бориса Межуева, Андрея Лаврова и других, которые, разумеется, могут совершенно иначе оценивать описываемое время и представлять свой философский бэкграунд.

Мы не хотим сказать, что занятия философией в университете автоматически означали и обеспечивали автономность и непартийность нашей мировоззренческой позиции, скорее философия задавала собственные представления о «большой» (в смысле Ницше) политике и опосредовала ее связь со сферой знания. Но, прежде всего, для нас принципиально иначе, чем для представителей ряда других наук, выглядела роль культуры, в том числе и массовой. Другими словами, мы шли в своем становлении как философы не только и не столько от «решений партии и правительства», сколько согласно логике культуры, в рамках которой определяющими событиями были отнюдь не смена вождей и политических элит, а появление новых трендов и стилей, отдельных ярких имен и произведений искусства. И новый альбом Тома Уэйтса, песня «Аквариума» или группы «Кино», фильм Ларса фон Триера или Михаэля Ханеке, роман Эльфриды Елинек или тексты Саши Соколова и Владимира Сорокина значили для нас много больше, чем смена правительств и даже партийной идеологии.

Более того, было бы односторонне и глубоко неверно говорить о становлении стиля мышления и мировоззрения нашего поколения философов только внутри университетских стен, башни из слоновой кости, с которой иногда ассоциирует себя академия, как, впрочем, и в поле только высокой культуры. Ведь одновременно с чтением «Картезианских медитаций» Эдмунда Гуссерля мы смотрели «Греческую смоковницу» и фильмы с Жаном-Клодом Ван Даммом, слушали Sex Pistols, Агату Кристи и Нирвану, зачитывались Батаем и Андреем Платоновым. Сексуальное образование никто не отменял, как и обретение практических знаний о насилии и законе, выработку отношения к маргинальным, исключаемым слоям населения и власти, о чем в университетских методичках не рассказывают. Но дело даже не в этом.

Мы хотели бы обратить внимание на ситуацию общего культурного отставания, в которой поневоле оказалось наше поколение и поколения других советских и постсоветских людей в контексте мировой массовой культуры, обсуждаемых в ней тем и демонстрируемых практик. «Калигула» Тинто Брасса, первый том «Истории сексуальности» Мишеля Фуко и «Mille plateaux» Делёза и Гваттари появились почти в одно и то же время. Мы говорим не о наличии опосредованных связей этих произведений или непосредственном взаимовлиянии, а о несимультанности, асинхронности знакомства с этими явлениями западной культуры представителями российской культурной элиты, к которой мы принадлежали.

Понятно, что произведения философов-постструктуралистов лучше сравнивать с образцами авторского кинематографа вроде «Соло» Пазолини или «Детектива» Годара. Но историческим фактом является то, что Пьер Паоло и Жан-Люк пришли к нам в те же 90-е, а не 60-е гг. Отсутствие рыночной инфраструктуры, идеологические запреты и «железный занавес» не позволили нам воспринимать эти безусловно разнокачественные и разноуровневые произведения в одном времени, а значит и понимать их в контексте единого процесса мирового культурного становления, не говоря уже о том, чтобы в нем полноценно участвовать.

Для прояснения этих обстоятельств приведем только один пример. Франшизы «Агент 007» и «Фантомас» выходили примерно в одно время, но мало кто помнит, что последние фильмы были пародией на первые, несмотря на более низкое качество и другое место даже в массовом кинематографе. Осознание этой внутренней сложности, эшелонированности и самоироничности западной киноиндустрии, ее сущностной связи с образцами высокой культуры и философией приходит к нам только сегодня. А в начале 70-х мы смотрели Аниськина – деревенского детектива, что в целом не плохо. Интересно было бы посмотреть на философию Мераба Мамардашвили как на пародию пародии бондианы студии «Грузия-фильм» образца 1974 г. – времени написания им «Символа и сознания» совместно с А. Пятигорским, а не как на феноменологические штудии советского разлива. Тогда, возможно, мы смогли бы понять, почему В.А. Подорога не написал своей «Истории советской сексуальности» или «Социализма и паранойи», а ограничился яркими, но короткими предисловиями к «Феноменологии тела» и «Мимесису».

Кстати, о феноменологии. В конце 80-х и начале 90-х мы начали наше вторжение в современную западную философию с феноменологии Гуссерля и его школы. Один из нас по рекомендации искрометного и незабываемого Геннадия Георгиевича Майорова, а затем под руководством непревзойденного Михаила Анатольевича Гарнцева уже с третьего курса занялся изучением наследия Франца Brentano (что в середине 90-х вылилось в публикацию книжки его переводов «Психология с эмпирической точки зрения»). Выбор феноменологической философии был для нас оптимален, но не потому, что не было альтернатив. Во-первых, изучение феноменологии обеспечивало переход от увлечения русской философией, которой мы занимались на младших курсах, к более широкому мировому контексту. Ведь «русской» философии не существует, но есть мировая философия и философия в России. Но на первых порах, благодаря русскому ученику Гуссерля Густаву Шпету, разобраться в собственных текстах которого было нетривиальной задачей, мы смогли пройти начальный класс феноменологии, освоить ее язык, основные концепты и процедуры. Работа другого из нас в архивах Шпета и его учеников позволила открыть массу неизданных при их жизни произведений. Образ этого философа, его биография нам очень импонировали. Во-первых, он был «западником», но с глубокими познаниями в русской культуре. Он занимался самой актуальной философией и социально-гуманитарными науками для своего времени. И наконец, он был живым человеком – отцом большого семейства, и несколько его детей и внуков (прежде всего, к сожалению, ныне покойная Марина Густавовна Шторх) – очень симпатичных и ярких людей нашего времени – охотно поддерживали наши публикационные усилия и научные исследования его наследия. Ну и разумеется, его трагическая судьба расстрелянного советскими властями философа стала для нас печальной стигмой и предупреждением о реальном положении интеллектуала в нашем обществе, единстве судьбы философов в России.

Сама феноменологическая школа предоставляла достаточно много вариаций для продолжения карьеры в профессии, в том числе и на материале архивов других русских философов, начинавших более ста лет назад в международном философском журнале «Логос». Нам, новым логосовцам образца 1991 года, эта традиция была наиболее близка. Дореволюционный философский журнал также делали молодые, поучившиеся в Германии неокантианцы, интересовавшиеся всем новым, впервые опубликовавшие на русском языке «Философию как

строгую науку» Гуссерля, искавшие себя и также пытавшиеся преодолеть туземную мудрость. Что-то важное для современной философии пытались сделать своим журналом и мы.

Помимо «Логоса», мы выпускали в издательствах «Гнозис», «Русское феноменологическое общество», «Дом интеллектуальной книги», «Территория будущего» собрания сочинений Гуссерля, Дильтея, работы Хайдеггера, Витгенштейна и десятков других философов, известных и не очень, тех, чьи работы нам казались необходимыми. Иногда мы оказывались первопроходцами, мы рисковали, но нам везло. Прежде всего потому, что нас очень многие поддержали – сразу, безоговорочно. Это было самое ценное и дорогое. Хочется вспомнить здесь людей, которые охотно сотрудничали с нами и оказывали всевозможное содействие и дружеское участие все эти годы. Это наш безвременно ушедший декан Владимир Васильевич Миронов, феноменолог Виктор Игоревич Молчанов, наиболее интересный философ так называемого постмодерна в России Валерий Александрович Подорога, разносторонний и невероятный Владимир Валентинович Калиниченко. Мы с благодарностью вспоминаем содержательную поддержку Н.В. Мотрошиловой, Ю.А. Кимелева, А.Ф. Зотова, В.Г. Кузнецова. Без лекций и текстов А.Ф. Грязнова, Г.Г. Майорова, семинаров М.А. Гарнцева и других нам сложно представить становление нашего проекта.

Были, конечно, и другие философы, не менее значимые для нашего поколения. Мы успели даже столкнуться с такими фигурами советской непартийной философской сцены, как Александр Михайлов, Генрих Батищев, Мераб Мамардашвили, Александр Пятигорский, Владимир Бибахин и др.

Но мы шли своим путем. От феноменологии, как и позднее от повального увлечения «французами», мы все время переходили к чему-то новому и актуальному. И это еще одна важная особенность нашего поколения философов – не застывать на достигнутом, не «залипать», пусть даже в достойном материале архива отдельного философа, школы или направления. Развитие нашего журнала было предопределено упомянутой выше гетерогенностью – совмещением очень разных людей, стихий и направлений, тесной связью с современной культурой и искусством. Ведь мы публиковали не только Гуссерля, Лакана или Гадамера, но и обэриутов, Виктора Ерофеева и Дмитрия Галковского. На страницах журнала появлялись и ставшие сегодня известными и даже знаменитыми филологи-литературоведы, историки, антропологи и т. д.

Знакомство с текстами других современных философов позволило нам самим постепенно начать печататься в собственном журнале, поначалу еще пользуясь чужими словами. Это были первые переводы и первые скромные тексты, какие-то предисловия, комментарии и критические обзоры литературы. Но это уже становилось частью нашей собственной биографии, как мы ее видели и выстраивали в то время. «Логос» стал именно тем инструментом, который позволил нашему поколению быстро соотнестись с тем, что делали наши предшественники – старшие коллеги, профессиональные российские и зарубежные философы.

Западная философия интересовала нас с профессиональной точки зрения и, в не меньшей степени, экзистенциальной. Нам хотелось совместить в своей издательской и исследовательской деятельности идеи, традиции, школы, инновации и сегодняшний день. Это не могло свестись лишь к модной в те годы «французской» постструктуралистской философии – в основе всегда оставалась более консервативная «немецкая» часть, замешанная на феноменологии. То есть это был микс чего-то совсем нового и неизведанного, мимолетной философской моды и глубоко фундированного философского знания, что одновременно отличало нас по языку и по способу мыслить от более традиционно ориентированных преподавателей и студентов факультета, а также от внеуниверситетской читающей публики. Мы развивались параллельно с ними, но быстрее и сразу в нескольких направлениях. Эта стратегия позволила нам ускориться и довольно стремительно обогнать интенсивное время 90-х гг., потому остающееся для нас до сих пор настоящим. Но, к счастью, не будущим! Ибо уточнением редакторской стратегии где-то с середины 2000-х гг. стало смелое привлечение еще не этаблиро-

ванной философской молодежи и группы исследователей из любой академической институции, способных взять на себя ответственность за целый тематический блок статей в журнале, а то и за целый номер. При этом отбор материалов, имен и форматов был за группой авторов под руководством ассоциированного выпускающего редактора, а важнейшим критерием было соответствие уровню современной мировой философии, за который продолжают отвечать редколлегия, научный секретарь, привлекаемые внешние эксперты и анонимные рецензенты.

В контексте этой новой для постсоветской России формы независимой издательско-исследовательской философской деятельности журнал «Логос» стал прорывом и оказал значительное влияние на следующие поколения российских философов. «Логос» продолжает влиять на интеллектуальное сообщество в той мере, в какой предложил отчасти альтернативный академии способ признания и легитимации для талантливой молодежи, ярких авторов и вездливых редакторов этого журнала, продолжающих и сегодня заниматься философией профессионально. Возможность публиковаться, моментально получая обратную связь от своих коллег и заинтересованных читателей, – главная составляющая этого способа. Когда ты можешь не просто печататься, но и получать часто нелюбимую критику от людей, признание которых тебя интересует, – это и есть лучшая легитимация, которую может предоставить философское сообщество начинающим и маститым авторам.

Очень много дилетантов печатались в 1990-е и 2000-е гг. во множестве непрофессиональных журналов, которых, правда, хватало на 1–2 номера, потом они закрывались. Развития соответствующие редакторские стратегии не имели. «Логос», наряду с немногими интеллектуальными и научными журналами 90-х гг. (НЛО, «Топос»), не просто выжил, но и развился, до сих пор задавая культурную моду и высочайшую академическую планку. Поэтому номера журнала «Логос», которые выходили еще в 90-е и нулевые годы, обладают сегодня не только архивномуарной, но и актуальной научной ценностью, привлекая новых читателей, протагонистов и критиков. «Логос» вообще не сводится к влиянию на философию современности. Это еще и феномен настоящего времени, продолжающийся философский проект, экзистенциально важный для его постоянных авторов и редакторов.

Возвращаясь к проблеме нашего становления, кратко проанализируем бэкграунд нашего поколения в содержательно-философском плане. Здесь можно выделить три основания:

а) Онтологическое основание

Наше основание – это отказ от любых онтологических оснований. И, прежде всего, неприятие идеи единой, имеющей причиной самой себя субстанции (*causa sui*) или всеовершенного существа, которое создало мир, а также самого этого целого и единого мира как вместилища всех существ и явлений, веществ и процессов, сетей и акторов, в рамках которого якобы только и можно познавать и осмыслять нашу жизнь, бытие и смерть. Соответствующее (без)мировоззрение замешано на идее абсурдности мира, «в» котором мы предположительно живем и как-то действуем. Как минимум, речь шла о проблематичности этого «в» – мире, и в конечном счете отказе от претензии на его тотальную познаваемость. Вернее, нами отвергалась познаваемость мира или бытия в каком-то тотализующем образе или системе понятий, будь то система религиозных догм, физических или диалектических законов, логических формул и понятий. То есть сказанное, разумеется, не означало принципиального отказа от познания мира и его вещей-объектов, вещей-процессов и отношений, абсолютной фальсификации уже оправдавших себя научных теорий и адаптации технологических инноваций, а скорее предполагало их, отвечая из философской метапозиции на вопрос, что означает это познание, его объекты и продукты для людей и не-человеков, живого и неживого, но прежде всего для нас самих, способных это читать, соглашаясь или не соглашаясь.

б) Гносеология

«Познание себя» – занятие изначально безнадежное. Ибо в итоге сводится к выдаванию себя за другого. Но существует более рискованный и долгий путь – обоснование непознаваемости как неисчерпаемости, неидентифицируемости этого себя через ему другое. Он исхо-

дит из тезиса о невозможности познать свою уникальность, обосновать через внешнее основание или причину, свести к понятию или примеру. Ибо «ты сам», пресловутое «я» – это по определению несводимость, единственность и сингулярность – что-то для научного познания нестерпимое и потому абсурдное. Абсурдность в этом смысле – это эффект естественно-научного, новоевропейского проекта познания. Тотальная познаваемость мира – это ловушка для социально-гуманитарных наук и философии. Победа естественно-научного познания в глобальной войне за господство в политике, образовании, культуре и даже повседневной неинституциональной практике обусловлена только самим этим обещанием – ручаться за познание целого, обосновывая по ходу дела тезис о цельности познания, его единстве, едином основании и в конечном счете квазирелигиозной причине как принципе, материи или абсолютном существе (это уже не важно). Наше философское мировоззрение, черпавшее свои установки из долгого XX века (феноменология, экзистенциализм, (пост)структурализм), исходило в этом плане из абсурда, из перевернутой Тертуллиановой формулы – «Познаю, ибо абсурдно».

с) Эстетика и этика

Познание, связанное и оправданное захватом и властью над вещами, должно быть смещено и противопоставлено более таинственным, если хотите «магическим», практикам об(ра)щения с миром. Это общение можно сравнить с искусством и религией, однако с тем различием, что действительности своей вещи в нем не теряют, оставаясь в этой экзистенциальной игре самими собой, а не только изображениями, субститутами или отношениями. Отличие здесь обусловлено способом коммуникации с так понятыми или созданными вещами – оно перестает быть чисто контемплативным, но и к чистому использованию не сводится. В сравнении с религиозными артефактами вещи не просто замещают собой несуществующие объекты, символизируя сакральные смыслы, а близки нам онтологически в своей независимости и удаленности. Это как бы ауратичность наоборот – чем независимее и удаленнее вещи от нас, тем они нам ближе. Они открываются нам в своей вневнеходимости, а не использовании. Наиболее близки к так понятой вещи – артефакты русского левого авангарда – конструктивизма и производственного искусства 1920-х гг., – одновременно полезные и прекрасные, в которых изобразительная, конструктивная и экспрессивная формы произведения вещи представляли собой одно и то же. Здесь вещи хоть и используются, но, так сказать, с уважением, взаимопроникновением и сохранением в исторической памяти и их пост-бытии как независимых объектов.